

Первая часть

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ШАМАНСТВА

Глава I

ФРИДРИХ ЭНГЕЛЬС О ШАМАНСТВЕ

В книге Фридриха Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности государства» мы находим следующие указания на некоторые особенности шаманства. Дело идет о первой ночи, которая осуществляется у разных народов представителем общины. Энгельс писал: «должностное лицо, предводитель племени или рода, кацик, шаман, жрец, князь или как бы он ни назывался является представителем общины и осуществляет над невестой право первой ночи. Вопреки всем новоромантическим усилиям смягчить этот факт, это *jus primae noctis*¹ существует еще и поныне как пережиток группового брака у большинства обитателей Аляски (Банкрофт, *Native Races*, том I, стр. 81), у таху в Северной Мексике (там же, стр. 584) и у других народов»².

В переписке Маркса и Энгельса за период 1868–1883 гг. в письме Энгельса за № 1561, Лондон 8 декабря 1882 г., мы находим дополнительное упоминание о шаманстве, объясняющее предыдущую цитату: «...Я сделал небольшие выдержки из первого тома твоего Банкрофта... Я нашел подтверждение своему предположению, что найденное в Европе первоначально у кельтов и славян *jus primae noctis* является пережитком старой общности полов: у двух племен, далеких друг от друга и различных рас, оно существует для шаманов, как представителей племени»³.

Второе указание на Банкрофта встречаем в письме К. Маркса за № 1471.

¹ Право первой ночи.

² Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, 1932 г., стр. 52.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. т. XXIV. Стр. 597–598.

«Заглавие большой пятитомной работы Банкрофта следующее: Н. Н. Bancroft, *The Native Races of the Pacific States of North America*. “Туземные расы тихоокеанских государств в Северной Америке”».

Указания Банкрофта, приведенные Энгельсом, относятся к двум народностям: 1) к эскимосской народности коняги, то же кускоквимцы и 2) к одному из племен, живущему в Никарагуа. Первая ссылка находится в первом томе, в первой главе «Гипербореиды», на стр. 82.

Эта ссылка заимствована из издания К. С. von Baer: «*Statistische und ethnographische Nachrichten über die russischen Besitzungen an der Nordwestküste von Amerika: gesammelt von dem ehemaligen Oberverwalter dieser Besitzungen, Contre-Admiral v. Wrangell, Petersburg, 1839*», стр. 133 (Статистические и этнографические данные относительно русских владений на северо-западном берегу Америки, собранные бывшим правителем этих владений, контр-адмиралом Врангелем. Петербург 1839, стр. 133).

Врангель описывает это с большими подробностями, чем это описано у Банкрофта.

«Женщины вообще не допускаются на совещание в Кашиме⁴, и даже в народных праздниках принимают участие только те женщины, которые были раньше допущены в Кашим при соблюдении особых обрядов. Обряд допущения женщины в Кашим происходит после того, как она было лишена невинности, еще будучи в небрачном состоянии. Ближайший родственник созывает людей, одаряет всех присутствующих, угощает их и представляет им свою родственницу. При этом случае приносится также особая жертва, которая передается шаману, и состоит из бисера, табаку и лучшей носильной одежды. Шаман передает все эти дары духам, чей благосклонности приписывается вообще рождение смелых воинов в среде народа. Шаман соответственно своему долгу или из-за особой благосклонности к родителям девушки лишает ее невинности, и она была бы недостойна появляться на собраниях, если бы она свою первую любовь отдала кому-нибудь другому, а не шаману».

Вторая цитата относится к племени тагу, обитающему в Северной Мексике. У тагу, по словам Кастанеды, жених должен покупать невесту у ее родителей, а после того представить ее кацику⁵, вождю

⁴ Кашим — общественный дом эскимосского поселка на Аляске, по преимуществу мужской дом.

⁵ Слово «кацик» употреблялось испанцами для обозначения вождей, правителей провинций и городов во всей Вест-Индии, в Центральной Америке, Мексике и Перу. Оно позаимствовано из языка индейцев Кубы.

или верховному жрецу, которому принадлежит право первой ночи. Если невеста окажется потерявшей девственность раньше, то родители возвращают все подарки, и от жениха зависит, оставить ее при себе или обречь ее на жизнь публичной проститутки.⁶

Я нашел у Банкрофта еще третью ссылку, помещенную во II томе той же работы: «Цивилизованный нации», гл. XXI, «Народности Майя», стр. 671:

«Право первой ночи. Несмотря на позор, который падает на женщину, потерявшую свою девственность до брака и скрывшую этот факт, мы узнаем из писаний Андагойя⁷, что в Никарагуа был обычай, подобный европейскому праву первой ночи. Его осуществлял жрец, который жил в храме. Он спал с невестой в течение ночи, предшествовавшей её браку».

В примечании помещена цитата из Андагойя: «В предшествующую ночь с невестой должен был спать тот, кого они считали вроде папы» (Андагойя, *Собрание Путешествий*, изд. Наварете, том III, стр. 314).

Существование права первой ночи у первобытных народностей и, в частности, принадлежность этого права шаману неоднократно оспаривалось. Я, впрочем, могу привести в дополнение к ссылкам Банкрофта еще ссылку на Ключака, который также утверждал, что эскимосский шаман имеет над девственницей право первой ночи⁸.

Ганс Эгед в своем описании Гренландии тоже дает подробности, относящиеся к этому обычаю и близко совпадающие с указаниями Врангеля: «Женщины в особенности считают себя счастливыми, если Ангеккок (Angekkok) или пророк почтит их своими ласками. Есть даже мужья до такой степени щедрые, что они платят Ангеккоку за такое действие, в особенности если сами они не могут зачать детей, ибо они полагают, что дитя Ангеккока будет счастливее и удачливее в промысле, чем другие люди»⁹.

Со своей стороны Кай Биркет Смит в одной из своих работ возражает Ключаку, что, пожалуй, среди эскимосских девушек трудно найти девственницу¹⁰.

⁶ Н. Bancroft. *The Native Races of the Pacific States of North America*, t. I, стр. 584.

⁷ Паскуаль де Андагойя (1495–1548) — испанский конкистадор, исследователь тихоокеанского побережья Южной Америки (*примеч. М. М. III*).

⁸ Н. W. Klutschak. *Als Eskimo unter der Eskimos*, Leipzig, 1881. Стр. 234.

⁹ Hans Egede. *A Description of Greenland*, 1745, стр. 140.

¹⁰ Kaj Birket-Smith. *Curibou Eskimo*, t. I, стр. 294.

Часть вторая

ИДЕОЛОГИЯ ШАМАНСТВА

Глава I

ИДЕОЛОГИЯ ШАМАНСТВА ЕСТЬ РАЗВЕРНУТЫЙ АНИМИЗМ

Изучая религиозную идеологию, соответствующую шаманству, мы должны с самого начала констатировать факт, что шаманству вообще соответствует анимизм — представление о мире, наполненном духами и душами, притом в наиболее развитой и развернутой форме.

Почти все наши сведения о современном анимизме у различных народностей Сибири и северной Евразии записаны от шаманов. Таким образом, шаманство нельзя вообще разъединять от анимизма. Они связаны тесно и неразрывно.

Во избежание недоразумений я хочу еще раз подчеркнуть, что дело идет о современном шаманстве и о современной форме анимизма, как они существовали у северных народностей вплоть до самого последнего времени, точнее, вплоть до советской эпохи.

В прошлом более или менее отдаленном, на стадии зарождения шаманства анимизм мог иметь характер иной, более первобытный.

Глава II

ДРУГИЕ ЭЛЕМЕНТЫ РЕЛИГИОЗНЫХ ВЕРОВАНИЙ

В современный анимизм вливаются также и другие отрасли религиозной идеологии, которые вообще являются тоже первобытными. Можно указать, например, [на] «Культ предков и тотемизм в шаманстве», о котором говорит С. Урсынович¹, впрочем без дальнейших

¹ С. Урсынович. Религия туземных народностей Сибири, Изд. «Безбожник», 1930, стр. 11.

объяснений. И даже более примитивный культ мертвого тела как такового и, наконец, применение различных магических обрядов, все это существует в пределах идеологии анимизма и осуществляется шаманами и их помощниками во время шаманского служения.

Относительно культа мертвого тела в его совершенно первобытной материальной форме можно привести следующий наглядный пример, заимствованный из чукотской сказки²:

«Был отец. У него было пять взрослых сыновей, шестой был мальчик. Отец одряхлел и состарился.

Он сказал своим сыновьям: “Я скоро умру. Отнесите меня на место погребения и оставьте меня там на три ночи, после третьей ночи придите навестить меня”.

Третья ночь прошла, потом еще несколько ночей. Наконец, младший сын сказал: “Ну что ж, когда мы пойдем посетить нашего тятю?”

Старшие сказали: “Он ни к чему не нужен, ведь он мертвый. Зачем станем мы посещать его”. Младший сын пошел один к могиле. Когда он пришел туда, там был как будто бы целый дом, но на деле это был только погребальный круг, выложенный камнями.

— “Ах, ты пришел”. — “Да”. — “А где твои товарищи, что они, здоровы?” — «Да, совершенно здоровы, но они сказали: не нужно его, ведь это покойник. Зачем станем навещать его”. — “А, вот как! Ну что ж, пойд и поищи себе невесту. Где ты станешь жить? Где будет твой дом? Ты не можешь жить со мной. Я сгнил, испортился. И также не можешь жить с братьями, так как они худые”.

Юноша уходит. Находит богатое стойбище. Там спит девушка. Он женится на ней. Она рождает ребенка, а ее отец отдает ему половину своего стада. Они возвращаются домой с кочевым караваном, и проезжают мимо места погребения отца, но там уже нет ничего, только каменный круг».

Юноша приезжает к братьям и в конце концов, после нескольких дальнейших приключений, истребляет их со всеми их семьями.

Этот рассказ свидетельствует о том, что мертвое тело пользовалось у чукоч почитанием как таковое. Вместе с тем мы видим, как исчезает такое почитание. Старшие сыновья покойника говорят: «Он ни к чему не нужен. Он — покойник». Сам покойник тоже с этим соглашается: «Ты со мной жить не можешь, я сгнил, испортился».

² W. Bogoras, Chukchee Mythology, IV Publications of Jesup Expedition, том VIII, стр. 107.

Младший сын, сохранивший почтение к мертвому телу, получает за это награду, а старшие сыновья наказаны смертью.

Однако, когда младший сын вместе с караваном проходил мимо места погребения, там уже ничего не оставалось.

Этот рассказ относится к переходной стадии, когда, очевидно, исчезало почитание мертвого тела и должно было замениться почитанием самого покойника в виде предка. В качестве создания переходной эпохи рассказ этот имеет полемический характер. Старшие братья полемизируют с младшими. Покойник, в свою очередь, полемизирует со старшими сыновьями и ведет рассуждение также и с младшим сыном о том, что, в конце концов, к отцу приходит не надо, что отец сгнил, испортился и даже исчез.

Я не считаю необходимым подвергать здесь подробному анализу вопрос о том, какое значение имеет культ мертвого тела в происхождении религии. Этот вопрос неоднократно рассматривался в международной и советской литературе. Я не могу присоединиться к мнению, будто бы страх перед покойником является единственным или даже важнейшим источником религии.

Кстати сказать, чукотский пример, приведенный мною, говорит не о страхе перед мертвым телом, а, напротив, о культе, связанном с мертвым телом, о стремлении получить покровительство от покойника, представленного этим мертвым телом.

Для моей цели совершенно достаточно указать, что в идеологии, в общем связанной с анимизмом, все же издавна влились элементы магии, тотемизма, культа мертвого тела и культа предков. Те же самые элементы совместно с анимизмом встречаются также в составе более поздних религий, например в христианстве, в исламе, в буддизме, рядом с основами многобожия, единобожия, пантеизма, возникшими ранее.

Я считаю необходимым указать это древнейшее происхождение тех или других элементов религиозной идеологии, сосуществующих в настоящее время, для того чтобы ответить некоторым критикам.